

Михаил Бакунин. Избранные сочинения. Том V
"Альянс" и Интернационал. Интернационал и Мадзини.
С примечаниями Дж. Гильома.
Перевод с французского Л. Гогеля.
Книгоиздательство "Голос труда". Петербург-Москва. 1922.

Первой была следующая причина: {Речь идет как будет видно ниже, о причинах вызвавших враждебность Секций Фабрики и главарей комитетов по отношению к Секции Алльянса.} наиболее влиятельные члены, вожаки или вожди Секций фабричных рабочих, относились к нашей пропаганде и нашей новой организации, одни равнодушно, другие даже с некоторой благосклонностью, пока они смотрели на Алльянс как на некоторого рода академию, в которой должны были дебатироваться чисто теоретические вопросы. Но когда они увидели, что группа Алльянса, не намереваясь терять попустому время на теоретические разговоры, поставила себе главной целью изучение принципов и организации Интернационала, в котором, по ее мнению, заключалась вся практика социализма; и в особенности, когда они увидели, что Алльянс, оказывая совершенно исключительное влияние на строительных рабочих, старался дать им идею иной организации, чем они имели до сего времени, организации, всецело основанной на принципах Интернационала, проникнутой всецело его духом и неизбежно сделавшей бы их более проницательными и независимыми, во-первых по отношению к своим комитетам, которые все больше и больше начинали проявлять чрезмерную властность, затем по отношению к главарям фабрики, которые, не довольствуясь образованием внутри этой последней некоторого рода правительственной партии, упорно старались распространить свое господство на секции строительных рабочих, посредством комитетов этих секций, тогда они начали подозрительно относиться к столь законной и к тому же совершенно открытой деятельности группы Алльянса.

Вся деятельность Алльянса сводилась к следующему: он давал широким массам строительных рабочих способ определить и понять свои инстинкты, оформить их и выразить словами. В клубе {Международный Клуб, общий локал для всех Секций Интернационала.} и на общих собраниях Интернационала это стало невозможным, благодаря организованному преобладанию на всех этих собраниях рабочих Фабрики. Клуб мало по малу превратился в исключительно женевское учреждение, управляемое и администрируемое только женевами, и на строительных рабочих, большей частью иностранцев, смотрели в нем, как на иностранцев, и они сами стали смотреть на себя, как на таковых. Часто, слишком часто, женевские граждане из Фабричной Секции говорили им: "Мы здесь у себя дома, и вы только наши гости". Женевский дух, дух буржуазного радикализма чрезвычайно узкий, как мы знаем, окончательно восторжествовал в нем; не было больше места ни для идеи Интернационала ни для международного братства. Отсюда произошло то, что, мало по малу, строительные рабочие, которым надоело, это подчиненное положение, перестали совсем ходить в Клуб, который теперь стал, действительно, исключительно женевским учреждением.

На общих собраниях глубокое и серьезное обсуждение принципов Интернационала было невозможно. Прежде всего, в это время эти собрания были редки и созывались только по поводу специальных вопросов, главным образом когда нужно было обсудить вопрос о стачке. Обе тенденции, которые разделяли тогда на два лагеря Женевский Интернационал, буржуазный социализм и радикализм, представляемые Фабрикой, и революционный социализм, поддерживаемый верным инстинктом строительных рабочих, разумеется, были представлены и боролись между собой на каждом общем собрании, и, нужно сказать, что чаще всего этот последний одерживал верх, благодаря большинству строительных рабочих, которых поддерживало небольшое меньшинство фабричных рабочих. Поэтому главари Фабрики всегда сильно недолгоблюдали общие собрания, которые иногда в один или два часа расстраивали их замыслы, подготовляемые ими целыми неделями при помощи различных интриг. Они старались, стало быть, всегда заменить общие, народные, открытые собрания тайными собраниями комитетов, которые им удалось совершенно подчинить себе.

На общих собраниях рабочая масса молчала. На трибуне появлялись всегда одни и те же ораторы обеих противоположных партий и повторяли более или менее стереотипные речи. Слегка задевались все вопросы, выдвигалась более или менее удачно их сентиментальная, драматическая сторона, но глубокий действительный смысл их оставался всегда нетронутым. Это был фейерверк, который вспыхивал иногда, но никогда никого не согревал, никому не светил, всегда погружая, наоборот, народ в еще более глубокую